

КЪ ИСТОРІИ ГОРОДОВЪ И ПУТЕЙ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНѢ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ [1]).

Города „отъ Литовской украйны" Московскаго государства были расположены на верховьяхъ Днѣпра и Десны. Переходя съ этихъ рѣкъ на р. Угру, мы вступаемъ въ новую область — такъ называемыхъ „Заоцкихъ" городовъ, бывшихъ стариннымъ достояніемъ южнорусскаго княжескаго рода, подпавшихъ затѣмъ литовской власти и перешедшихъ къ Москвѣ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Вмѣстѣ съ городами „Украинными" и „Рязанскими", эти города въ XVI вѣкѣ обращаются уже не противъ Литвы, а противъ татаръ. Съ успѣхами Москвы на западной границѣ противъ литовскихъ князей въ XV-мъ и началѣ XVI вѣка, съ пріобрѣтеніемъ Москвою Смоленска, берега Угры и верхней Оки стали безопасны отъ нападеній со стороны Литвы, но въ то же время не были хорошо закрыты отъ нападеній татаръ. Здѣсь страхъ отъ литовцевъ смѣнился боязнью крымцевъ, и въ глазахъ Московскаго правительства „Заоцкіе города" входили въ ту полосу земли, которую надо было укрывать съ юга. Поэтому и мы соединяемъ эту группу городовъ въ одномъ очеркѣ съ городами „отъ поля". Какъ увидимъ ниже, есть для этого и нѣкоторыя другія основанія въ условіяхъ быта изучаемаго пространства.

Подъ именемъ „Заоцкихъ городовъ" разумѣлись города, расположенные между верхнимъ теченіемъ Оки и рѣками Лужею (притокъ Протвы), Угрою и Жиздрою; съ запада ихъ районъ ограничивался лѣвыми притоками верхней Десны (точнѣе, рѣкою Болвою). Въ этомъ

[1]) Настоящая статья имѣетъ цѣлью свести въ общемъ очеркѣ историко-географическія данныя о Московскомъ югѣ XVI вѣка, относящіяся главнымъ образомъ къ вопросу о такъ называемой государственной колонизаціи.

неправильномъ пятиугольникѣ, кромѣ главнаго и крупнѣйшаго города Калуги, находились города: Воротынскъ, Козельскъ, Кременескъ, Лихвинъ. Медынь, Мещовскъ (Мезецкъ), Мосальскъ, Опаково городище (съ Юхновымъ монастыремъ), Перемышль, Серпейскъ. Все это были небольшіе городки, но они лежали въ краю давно населенномъ, довольно плодородномъ и не лишенномъ торговаго оживленія. Черезъ Серпуховъ и Боровскъ было сухопутное сообщеніе съ Москвою; по Окѣ и притокамъ Десны возили товары и сплавляли лѣсъ въ Замосковье и на Сѣверу. О торговлѣ Калуги и о торговомъ рѣчномъ движеніи въ краѣ находимъ не одно извѣстіе отъ XVI—XVII вѣковъ. Въ военномъ же отношеніи большое число Заоцкихъ укрѣпленныхъ городовъ объясняется тѣмъ, что они прикрывали собою подступы къ рѣкѣ Угрѣ и переходъ на линію рѣки Поротвы (или Протвы). Значеніе р. Угры въ защитѣ Московскаго центра безспорно было очень велико: стоитъ только вспомнить, что именно здѣсь рѣшился исходъ татарскихъ нашествій 1480 и 1571 годовъ: въ первомъ случаѣ татаръ успѣли отбить на Угрѣ, во второмъ — татары, перейдя Жиздру и Угру, дошли до самой Москвы. Не даромъ русскій писатель XVI вѣка, говоря о Угрѣ, рѣшился „нарещи ту рѣку—поясъ самыя Пречистыя Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю“. При такихъ условіяхъ понятно, что Заоцкіе города сохраняли въ продолженіе всего XVI столѣтія свое военное значеніе; понятно затѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые были обращены на западъ, къ Литовской границѣ, именно Медынь, Опаковъ и Кременескъ, скорѣе перестали быть „городами“ и обратились въ „городища“, чѣмъ крѣпости, обращенныя на югъ: съ запада уже не ждали вражеской грозы, съ юга она не затихала.

Берегами Оки и Жиздры ограничивалась съ востока область Заоцкихъ городовъ и начинались Тульскія мѣста—область Украинныхъ городовъ“. Эта послѣдняя область лежала по самой Окѣ, выше впаденія р. Жиздры, и по р. Упѣ съ ея притоками. Она представляла собою узкую полосу земли, протянувшуюся съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Серпухова и Каширы до Карачева и Кромъ, и прикрывавшую отъ „поля“ верхнее и среднее (до Каширы) теченіе Оки. Здѣсь были города: Алексинъ, Болховъ, Бѣлевъ, Дѣдиловъ, Карачевъ, Крапивна, Одоевъ, Орелъ, Таруса и Тула. Сюда же впослѣдствіи причислили и г. Кромы, выстроенный въ 1595 году на лѣвомъ берегу Оки на рѣкѣ Кромѣ, на мѣстѣ стараго „Кромскаго городища“. Какъ среди Заоцкихъ городовъ первое мѣсто принадлежало Калугѣ, такъ среди Укра-

иныхъ главное значеніе имѣла Тула. Черезъ нее шла большая дорога отъ Москвы на Сѣверу и въ Кіевъ, черезъ Болховъ и Карачевъ; такъ называемая „Московская“, иначе „Посольская“ дорога направлялась отъ Тулы же на Мценскъ, Кромы и Курскъ; мимо Тулы на Оку проложенъ былъ и знаменитый Муравскій шляхъ, поднимавшійся отъ Ливенъ по водораздѣламъ къ Костомарову броду на рѣкѣ Упѣ. Находясь на линіи важныхъ сообщеній, Тула была торговымъ городомъ: значеніе ея рынка на Московской украйнѣ было велико не для одного мѣстнаго населенія, но и для временно приходящихъ на украйну войскъ, которыя являлись сюда ежегодно для обороны южныхъ границъ. Въ изучаемое нами время, въ серединѣ и концѣ XVI столѣтія, Украинные города, можно сказать, только еще устраивались: Болховъ и Дѣдиловъ были укрѣплены въ 50-хъ годахъ XVI в., Крапивна и Орелъ—въ 60-хъ. Существовавшія за эти годы въ „полѣ“ сторожи были „поустроены“, то-есть, упорядочены и преобразованы въ 70-хъ годахъ, послѣ татарскихъ нашествій 1571—1572 гг. Всѣ предпринимаемыя здѣсь правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы запереть для татаръ пути въ центръ Московскаго государства какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Оки: Болховъ, Орелъ и Кромы охраняли лѣвый берегъ, Крапивна и Дѣдиловъ усиливали оборону праваго берега.

Тѣмъ же цѣлямъ должны были служить и „Рязанскіе“ города. Стариннымъ центромъ Рязанскихъ поселеній было пространство между рѣками Окою, Осетромъ и Пронею. Здѣсь находились города Переяславль Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ и Пронскъ. Съ запада близки были къ этому пространству городки Веневъ, Гремячей и Печерники. На югъ отъ Прони въ „Нагайскую сторону“ смотрѣли Ряжскъ, Сапожокъ и Шацкъ. Наконецъ, къ Рязани, по старой традиціи, тянули мѣста по верховьямъ Дона, гдѣ въ XVI вѣкѣ были города Епифань и Донковъ. Всѣ эти города и обозначались общимъ именемъ „Рязанскихъ“. Если Украинные города служили оплотомъ отъ крымцевъ, дороги которыхъ лежали на западъ отъ Дона, на „Крымской сторонѣ“ такъ называемаго „поля“, то Рязанскіе города охраняли Русь по преимуществу отъ „Ногайской стороны“, противъ нашествій съ юго-востока ногайскихъ отрядовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда предполагалось нападеніе крымцевъ черезъ Донскія верховья на Рязань и далѣе на Коломну или Владиміръ, Рязанскимъ городамъ выпадала главная роль и въ борьбѣ съ крымцами. По этой причинѣ въ продолженіе всего XVI вѣка Рязанскій край имѣлъ характеръ военнаго

округа. Главный городъ края—Переяславль Рязанскій—представлялъ собою сильную крѣпость; Зарайскъ съ 1533 года имѣлъ каменныя стѣны, и всѣ прочіе города были укрѣплены. Черноземъ, доходящій съ верховьевъ Дона черезъ Проню почти до Оки, способствовалъ широкому развитію земледѣлія на Рязани, и украинныя Рязанскія мѣста, несмотря на военныя опасности, слыли за обильный и богатый край. По Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ черезъ Коломну къ столицѣ „добрѣ много" шелъ изъ Рязани хлѣбъ и другіе припасы; въ смутное время на продовольствіе изъ Рязани разсчитывали всѣ стороны, дѣйствовавшія подъ Москвою. Были у Рязанскаго края и торговыя сношенія съ южными мѣстами, причемъ, разумѣется, главное значеніе имѣлъ Донской путь. На Донъ ѣздили изъ Рязанскихъ мѣстъ или по рѣкамъ Пронѣ, Рановѣ и Хуптѣ на Ряжскъ и Рясское поле въ рѣки Рясы и Воронежъ, или же сухимъ путемъ на Донскую пристань Донковъ. Отъ Донкова черезъ Веневскія мѣста на Каширу существовалъ еще особый путь, которымъ могли пользоваться и жители Рязани [1]).

Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, составъ той части Московскаго государства, которая находилась на югъ отъ Оки и Угры и еще въ началѣ XVI вѣка считалась какъ бы за рубежами государства. Если на востокѣ и западѣ изучаемой нами теперь полосы подъ прикрытіемъ старинныхъ крѣпостей „верховскихъ" и Рязанскихъ населеніе чувствовало себя болѣе или менѣе въ безопасности, то между верхнею Окою и верхнимъ Дономъ, на рѣкахъ Упѣ, Пронѣ и Осетрѣ, русскіе люди до послѣдней трети XVI вѣка были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексинъ, Одоевъ, Тула, Зарайскъ и Михайловъ не могли дать пріютъ и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на Тульскомъ и Пронскомъ черноземѣ. Не могли эти крѣпости и задерживать шайки татаръ въ ихъ быстромъ и скрытномъ движеніи къ берегамъ средней Оки. Надо было защи-

---

[1]) *М. Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства, М. 1892, стр. 47—56.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 235, 243.—Доп. А. И., V, стр. 223—225.—Буссовъ въ „Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Сам." I, стр. 83.—Рукопись Жолкѣвскаго, изд. 2, стр. 91.—*С. Середонинъ*, „Наказъ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 года" въ Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ., т. VIII, вып. I и II, стр. 54—58.—*Карамзинъ*, VI, прим. 233.—Книга Больш. Чертежу, изд. *Языкова*, стр. 88—90, 121.—Извѣтъ старца Варлаама (въ любомъ изданіи): „наняли подводы до Болхова, а изъ Болхова до Карачева, изъ Карачева до Новагородка Сиверскаго". — Приправочная книга 124 года во „Временникѣ М. О. И. и Др.", XIII, стр. 1—3.—А. И. II, стр. 299.—Русск. Ист. Библ. I, стр. 151.—*Д. Иловайскій*, Сочиненія. М. 1884, стр. 199.

тить надежнымъ образомъ и населеніе окраины и дороги внутрь страны, въ Замосковье. Московское правительство берется за эту задачу въ серединѣ XVI вѣка. Оно сначала укрѣпляетъ мѣста по верховьямъ Оки и Дона, затѣмъ укрѣпляетъ линію рѣки Быстрой Сосны, переходитъ на линію верхняго Сейма и, наконецъ, занимаетъ крѣпостями теченіе рѣки Оскола и верховье Сѣвернаго (или Сѣверскаго) Донца. Все это дѣлается въ теченіе всего четырехъ десятилѣтій, съ энергическою быстротою и по извѣстному плану, который легко открывается позднѣйшему наблюдателю, не смотря на скудость историческаго матеріала для изученія этого дѣла.

Очень извѣстенъ и не одинъ разъ излагался порядокъ обороны южной границы Московскаго государства. Для отраженія врага строились крѣпости и устраивалась укрѣпленная пограничная черта изъ валовъ и засѣкъ, а за укрѣпленіями ставились войска. Для наблюденія же за врагомъ и для предупрежденія его нечаянныхъ набѣговъ выдвигались въ „поле“ за линію укрѣпленій наблюдательные посты—„сторожи“, и разъѣзды—„станицы“. Вся эта сѣть укрѣпленій и наблюдательныхъ пунктовъ мало по малу спускалась съ сѣвера на югъ, слѣдуя по тѣмъ полевымъ дорогамъ, которыя служили и отрядамъ татаръ. Преграждая эти дороги засѣками и валами, затрудняли доступы къ бродамъ черезъ рѣки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крѣпостью, мѣсто для которой выбиралось съ большою осмотрительностью, иногда даже въ сторонѣ отъ татарской дороги, но такъ, чтобы крѣпость командовала надъ этою дорогою. Каждый шагъ на югъ, конечно, опирался на уже существовавшую цѣпь укрѣпленій; каждый городъ, возникавшій на „полѣ“, строился трудами людей, взятыхъ изъ другихъ „украинныхъ“ и „польскихъ“ городовъ, населялся ими же и становился по службѣ въ тѣсную связь со всею сѣтью прочихъ городовъ. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряженіями, но и всѣмъ складомъ боевой порубежной жизни. Между военными городами болѣе старыми, „украинными“, и новыми „польскими“ нельзя провести опредѣленной границы и очень трудно подмѣтить существенное различіе въ складѣ жизни. Это одинъ военный округъ; части его лучше изучаются въ ихъ совокупности и становятся понятнѣе тогда, когда будутъ поставлены изучающимъ въ связь съ направленіемъ полевыхъ дорогъ, по которымъ московскіе люди сознательно располагали группы укрѣпленныхъ городовъ, „помысля (по словамъ лѣтописи) поставить по сакмамъ татарскимъ городы“.

Нельзя сказать, чтобы вся сѣть полевыхъ дорогъ была намъ одинаково хорошо извѣстна. Муравскій шляхъ и его восточныя вѣтви, Изюмская и Калміюсская сакмы, соединявшіяся съ главнымъ шляхомъ недалеко отъ Ливенъ, изучены хорошо. Менѣе обращалось вниманія на западныя вѣтви, которыя отходили отъ Муравскаго шляха южнѣе рѣки Сейма и направлялись черезъ Сеймъ на верховья Оки, на ея лѣвый берегъ; это—дорога Пахнутцова (или Пахнуцкова) и Бакаевъ шляхъ, сѣвернѣе носившій названіе Свиной дороги. Не вполнѣ ясно и направленіе восточныхъ путей, которыми отъ Муравской и Калміусской дорогъ, черезъ рѣки Красивую Мечу и Вязовню, выходили къ Донкову по дорогамъ Турмышской, Дрысинской и др. Наконецъ, на востокѣ отъ верхняго Дона мы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, для XVI вѣка, можемъ указать такъ называемую „Ногайскую“ дорогу, которая шла съ юга на верховья Воронежа по верховьямъ рѣки Битюка и рѣки Цны. Она или пересѣкала рѣку Воронежъ на Торбѣевомъ бродѣ (у нынѣшняго Козлова) и шла на Ряжскія мѣста, или же оставляла рѣку Воронежъ влѣво и выходила на Шацкъ и Сапожокъ. Всѣ эти дороги, съ многочисленными ихъ развѣтвленіями, имѣло въ виду Московское правительство, подвигаясь на югъ по „дикому полю“.

Выше мы уже указали на важное значеніе р. Угры, къ берегамъ которой много разъ въ XVI вѣкѣ подходили татарскія войска. Въ 1571 году, ханъ, идя Пахнутцовою дорогою, „перелѣзъ“ Оку чрезъ Быстрый бродъ, верстъ на десять выше впаденія въ нее рѣки Цона (Оцона), и направился на Болховъ, а оттуда на Угру. Въ этотъ годъ хана просто не устерегли, хотя и знали о существованіи дороги, которою онъ шелъ, знали, что близко верховья Цона, на водораздѣлѣ между рѣками Цономъ и Навлею (притокомъ Десны), на Молодовой рѣчкѣ „сошлись съ Семи и изъ Рыльска всѣ дороги“. Это были по опредѣленію Книги Большому Чертежу: „Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова“, „дорога Бакаевъ шляхъ“, которая „на Свиную дорогу пришла изъ-за Семи рѣки“, и „Пахнутцова дорога промежъ (рѣкъ) Лещина и Хону отъ рѣки Семи въ Мѣлевой бродъ“. Насколько можно сообразить по бѣглымъ упоминаніямъ документовъ, Бакаевъ шляхъ идя на востокъ между рѣками Сеймомъ и Псломъ, на ихъ верховьяхъ сплетался своими сакмами съ Муравскимъ шляхомъ. На ихъ соединеніи впослѣдствіи стояла сторожа, „а видѣть съ тое сторожи по Муравскому и по Бокаеву шляху въ поле верстъ съ 7 и до рѣки до Псла“. Но здѣсь же дороги и расходились, почему

мѣсто ихъ соединенія и называлось „на Ростанехъ“. Бакаевъ шляхъ отходилъ отъ Муравскаго на сѣверо-западъ, и его направленіе въ этой части опредѣлялось такъ: „сакма татарская лежитъ съ Изюмской и съ Муравской сакмы промежъ Думчей курганъ и рѣки Псла къ Семи Пузатой въ Курскіе мѣста“. Приблизительно здѣсь же отдѣлялась отъ Муравской дороги и Пахнутцова дорога, а именно на верховьяхъ Донецкой Семицы, по лѣвому берегу которой она и уходила на сѣверъ къ рѣкѣ Сейму. Идя по Бакаеву шляху на Свиную дорогу, переходили черезъ р. Сеймъ „подъ Городенскимъ городищемъ ниже Курска верстъ съ 40“, а идя Пахнутцовой дорогою, переходили Сеймъ выше Курска тоже верстахъ въ 40 отъ него. Располагая такими данными, Московское правительство устраиваетъ надзоръ за всѣми этими дорогами изъ Мценска, Карачева, Рыльска и вновь устроеннаго въ 60-хъ годахъ XVI вѣка города Орла. Изъ Орла сторожи стерегутъ и узелъ дорогъ на Молодовой, и извѣстные намъ броды на Сеймѣ, и Быстрый бродъ на Окѣ. Не довольствуясь этимъ, къ концу XVI вѣка на дорогахъ ставятъ города Кромы, Курскъ и Бѣлгородъ. Кромы построены были между Свиной (Бакаевой) и Пахнутцовой дорогами впереди соединенія ихъ на Молодовой; новый городъ прикрывалъ собою и подступы къ Молодовой и дальнѣйшіе пути отъ Молодовой къ Карачеву и Болхову; въ этомъ было его военное значеніе. Задачею Курска, поставленнаго среди тѣхъ же татарскихъ дорогъ, было защищать переправу черезъ рѣку Сеймъ, а Сеймъ былъ главною естественною преградою на этихъ дорогахъ. Наконецъ, Бѣлгородъ былъ поставленъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ отходили отъ Муравскаго шляха дороги и Бокаева и Пахнутцова; закрывая Муравскую дорогу, онъ закрывалъ и переходы съ нея на двѣ прочія, служа такимъ образомъ ключемъ ко всѣмъ къ нимъ. Съ построеніемъ Бѣлгорода путь къ Заоцкимъ городамъ, можно сказать, былъ совсѣмъ запертъ: всѣ сакмы съ „поля“ къ верхней Окѣ перешли въ черту государства.

Главная полевая дорога, Муравскій шляхъ, пройдя съ юга между верховьями Ворсклы и Сѣвернаго Донца, а затѣмъ между верховьями Сейма и Оскола направлялась къ рѣкѣ Быстрой Соснѣ, которую и переходила близъ впаденія въ нее рѣчки Ливны съ притокомъ Ливною же. Далѣе, идя между р. Зушею и р. Красивою Мечею, Муравская дорога подходила съ запада къ верховьямъ Упы, пересѣкала Упу на Костомаровомъ бродѣ и уже по правому берегу Упы подходила къ Тулѣ. Отъ Тулы же можно было идти въ любое мѣсто на среднемъ теченіи Оки. Почти до конца XVI вѣка

Московское правительство не занимало крѣпостями Муравскаго шляха южнѣе Тулы. Оно предпочитало прикрывать крѣпостями берега Упы (Крапивна, Одоевъ) и Зуши (Новосиль, Мценскъ, также Чернь), чтобы не допустить врага съ Муравской дороги подойти къ Окѣ и ворваться въ область Заоцкихъ городовъ; съ другой стороны, не рѣшаясь еще занять постоянными укрѣпленіями теченіе Красивой Мечи, оно болѣе близкими крѣпостями Епифанью, Веневою и Дѣдиловымъ закрывало Рязанскія мѣста и дорогу на Каширу и Коломну отъ нападенія со стороны Муравской дороги. Эти чисто оборонительныя линіи укрѣпленій создаются между 50-ми и 70-ми годами XVI вѣка. Въ послѣдней же четверти XVI столѣтія рѣшаются на болѣе смѣлую мѣру—укрѣпить теченіе Быстрой Сосны, представлявшей природную преграду на татарскихъ путяхъ. Къ этому рѣшенію привело, какъ кажется, открытіе новой татарской сакмы, именно Калміусской, шедшей съ юга на сѣверъ восточнѣе р. Оскола, параллельно его теченію, и выходившей на Быструю Сосну въ тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, гдѣ и Муравская дорога. Если бы, какъ принято думать, Калміусская дорога соединялась съ Муравскою у Ливенъ на переправѣ черезъ Быструю Сосну, то она не имѣла бы никакого значенія для болѣе сѣверныхъ мѣстностей за Сосною. Но дѣло, кажется, было не такъ. Книга Большому Чертежу дважды отмѣчаетъ направленіе Калміусской дороги въ сторонѣ отъ Ливенъ, на востокъ; она говоритъ: „на устьѣ рѣки Чернавы на (Быстрой) Соснѣ бродъ: Калміюсская дорога“; и въ другомъ мѣстѣ: „на рѣкѣ Соснѣ на усть-рѣки Чернавы въ городкѣ стоятъ заставные головы, сотнями перемѣняясь, на Калміюсской дорогѣ“. Изъ этого заключаемъ, что на Ливнахъ Калміусская дорога лишь однимъ своимъ отрогомъ связывалась съ Муравскою, другими же продолжала идти на сѣверъ восточнѣе Муравской дороги и особо отъ послѣдней переходила черезъ Быструю Сосну на усть-Чернавскомъ, Талицкомъ и другихъ бродахъ. Перейдя Быструю Сосну по Калміусской сакмѣ, непріятель могъ идти черезъ рѣчки Красивую Мечу и Вязовню, на которыхъ не было городовъ, а только сторожи, прямо на Рязанскія мѣста, къ Донкову, Ряжску и Пронску. Но онъ могъ держаться западнѣе и выйти на Куликово поле, къ истокамъ Упы и Непрядвы, на „верхъ Непрядвы на большую дорогу, которою дорогою царевичи приходили“, а отсюда были открыты пути и на Рязанскій край, и на Каширу черезъ Веневъ. Для того, чтобы оборонить всѣ эти мѣста со стороны новой дороги надобно было защитить броды на Быстрой Соснѣ. Въ 1586 году и

слѣдующихъ возникаютъ на Быстрой Соснѣ города Ливны и Елецъ и „Чернавскій городокъ". Ливны стали на соединеніи старой Муравской и новой Калміусской дорогъ; Елецъ сталъ на восточныхъ бродахъ черезъ Быструю Сосну, прикрывая собою Красивую Мечу; въ Чернавскомъ городкѣ была промежуточная застава.

Занятіе Быстрой Сосны сопровождалось занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ и по среднему теченію Дона. Одинъ и тотъ же государевъ указъ предписалъ (въ 1586 году) построеніе Ливенъ и города Воронежа „на Дону на Воронежѣ". Назначеніе новаго Донскаго города было стеречь не только „Нагайскую сторону" на востокъ отъ Дона, но и „Крымскую" на западъ отъ него. Воронежъ высылалъ сюда сторожи именно для наблюденія за новою Калміусскою дорогою, которая шла „межъ рѣкъ: правыя рѣчки впали въ Донъ, а лѣвыя въ Донецъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка (въ 1593—1600 гг.). наблюденіе за новою дорогою было еще усилено. Московскіе гарнизоны перешли на р. Осколъ въ новые города: Осколъ, Валуйки и Царевъ-Борисовъ, поставленные на мѣстахъ прежнихъ сторожъ. Отсюда они могли дѣйствовать не только на Калміусской дорогѣ, но и на Изюмской, такъ какъ эти города стали между обѣихъ дорогъ. Въ то же время основанъ былъ южнѣе Ливенъ на Муравскомъ шляхѣ и Бѣлгородъ, упомянутый нами выше. Совершенно ясна цѣль, съ которою такъ быстро захватывалось теченіе р. Оскола. По этой судоходной рѣкѣ всего легче было дойти до Сѣвернаго Донца и на его бродахъ пересѣчь татарскіе пути Изюмскій и Калміусскій. Но обстоятельства показали, что тогда съ этимъ дѣломъ черезчуръ поспѣшили: Царевъ-Борисовъ, выдвинутый слишкомъ впередъ, не устоялъ и въ смутное время былъ запустошенъ. Судьба Бѣлгорода была счастливѣе благодаря тому, что онъ не былъ такъ удаленъ отъ Сейма и Быстрой Сосны и былъ поставленъ на удачномъ мѣстѣ. Опираясь на города, защищавшіе теченіе Сейма и Быстрой Сосны, онъ былъ внѣ опасности отъ „поля"; а въ то же время онъ стоялъ на Донцѣ на такомъ мѣстѣ, котораго татарамъ нельзя было миновать, идя по Муравской дорогѣ. Въ одномъ документѣ, современномъ основанію Бѣлгорода, говорится, что „опричь Муравской дороги межъ Донца и Ворскла обходу царю Крымскому и большимъ людемъ (то-есть, значительному войску) иной дороги нѣтъ, опричь Изюмской и Калміюнской дороги". Уклониться на западъ за Ворсклу было нельзя, потому что по Ворсклѣ здѣсь „пришли лѣса большіе, и ржавцы и болота есть", а идти восточнѣе мѣшалъ Сѣверный Донецъ. Въ этомъ

то тѣсномъ мѣстѣ и построили Бѣлгородъ. Закрывая выходъ на сѣверъ изъ этого пространства между Донцомъ и Ворсклою, онъ, какъ мы уже указали, не позволялъ пользоваться ни Муравскою дорогою, ни дорогами, шедшими отъ нея на сѣверо-западъ, съ верховьевъ Ворсклы и Псла черезъ Сеймъ.

Такъ къ исходу XVI столѣтія Московское правительство овладѣло громаднымъ пространствомъ „дикаго поля“ между Дономъ, верхнею Окою и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны.

На Ногайской сторонѣ „поля“, на востокъ отъ Дона, не было такой нужды въ крѣпостяхъ, какъ на Крымской сторонѣ: здѣсь были природныя „крѣпости“. По рѣкамъ Цнѣ и нижней Мокшѣ залегали такіе лѣса, которые не имѣли нужды въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ и отлично прикрывали съ востока Шацкія и Рязанскія мѣста; а доступъ сюда съ юга между Дономъ и Цною затруднялся теченіемъ рѣкъ Воронежа, Битюка и Вороны. По документамъ XVI вѣка можно прослѣдить, кажется, только одну „Нагайскую дорогу“ на Рязанскій край. Она шла черезъ верховья Битюка къ водораздѣлу между Мотыремъ (или Матырою—притокъ Воронежа) и Липовицею (притокъ Цны) и отсюда или направлялась на Торбѣевъ бродъ на Воронежѣ (около г. Козлова) и далѣе на Донковъ и Ряжскъ, или же шла между р. Польнымъ Воронежемъ и Челновою (притокъ Цны) на Шацкъ. На этой дорогѣ въ XVI вѣкѣ не ставили городовъ, а ограничивались только сторожами, которыя либо стояли на самой дорогѣ, либо наблюдали за нею со стороны, съ береговъ Дона и Воронежа. На самой дорогѣ были сторожи на Битюгѣ у впаденія въ него Чамлыка, наблюдавшія „сакмы, которыми сакмами ходятъ Заволжскіе погаи изъ Казыева улуса и Азовскіе люди на государевы украйны, на Рязанскія и на Ряжскія и на Шатцкія мѣста“. Эти сакмы предполагались отъ верховья Цны черезъ Битюкъ до верховьевъ Гавы (или Хавы), впадающей въ Усмань. Вторыя сторожи были на р. Липовицѣ между Цною и Мотыремъ; третьи на Торбѣевомъ бродѣ и на востокъ отъ него до р. Челновой. Отъ Торбѣева брода Ногайская дорога круто поворачивала на западъ къ Дону, и здѣсь на ней стояли сторожи на р. Сквирнѣ (Скверне) и р. Рясахъ, уже не далеко отъ Ряжска и Донкова.

Таковы были результаты работы Московскаго правительства на „дикомъ полѣ“. Можно удивляться тому, какъ много было здѣсь достигнуто въ такой короткій срокъ; но для объясненія дѣла слѣдуетъ помнить, что быстрое движеніе на югъ было возможно между вер-

ховьями Оки и среднимъ Дономъ лишь потому, что съ обѣихъ сторонъ фланги боевыхъ линій были надежно прикрыты. Слѣва самъ Донъ съ притоками и заросшія лѣсами Цна и Мокша служили такимъ прикрытіемъ; справа опорою была такъ называемая „Сѣвера“— старые города по рѣкамъ Деснѣ и нижнему Сейму. Эти города и составляли послѣдній районъ Московскаго юга. Пріобрѣтенные въ началѣ XVI столѣтія отъ Литвы, не разъ бывшіе ареною борьбы, они носили опредѣленный отпечатокъ боевой жизни. Занимая теченіе двухъ крупныхъ рѣкъ, Десны и Сейма, они дѣлились естественнымъ образомъ на двѣ группы: городовъ по Деснѣ и городовъ по Сейму. На Деснѣ стояли Брянскъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Моровескъ. Всѣ они имѣли значеніе крѣпостей, обращенныхъ на Литву. Впереди ихъ, еще ближе къ Литовскому рубежу расположены были Мглинъ, Почепъ и Стародубъ, а также мелкіе острожки и замки въ родѣ Дрокова (Дракова) и Поповой горы. Это была одна группа городовъ. Другую составляли Путивль и Рыльскъ, расположенные на Сеймѣ и обращенные къ „полю“, на которое они высылали сторожи противъ татаръ. На татаръ же былъ обращенъ и Сѣвскъ съ Комарицкою волостью, ему принадлежавшей; хотя онъ находился въ области Десны, а не Сейма, но онъ былъ укрытъ отъ Литвы лѣсами, шедшими по Деснѣ отъ Брянска, и смотрѣлъ на Свиную дорогу, которою пользовались татаре. Область Сѣверскихъ городовъ отдѣлялась отъ Смоленской большими лѣсами. Сообщеніе Сѣверы съ Смоленскомъ было черезъ Брянскъ и Рославль; но тотъ же Брянскъ близокъ былъ къ Козельску, Карачеву и Бѣлеву и связывалъ Сѣверу съ Заоцкими городами. Въ этомъ заключалось его значеніе. Южнѣе первое мѣсто, принадлежало Путивлю: въ XVI вѣкѣ онъ былъ одинаково близокъ и къ „дикому полю“ и къ Литовско-польскому рубежу. Почти у стѣнъ Путивля сходились Московская и Польско-литовская границы и между ними клиномъ къ Путивлю врѣзывалось „поле“, еще не освоенное ни тѣмъ, ни другимъ государствомъ. Такое положеніе, лицомъ къ лицу съ двумя врагами, придавало Путивлю особенную военную важность: не даромъ онъ имѣлъ каменную крѣпость и считался главнымъ городомъ края. Изъ прочихъ городовъ крупнѣйшими были: Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій. Черезъ Сѣверу пролегали дороги, соединявшія Московскій центръ съ Кіевомъ и Польшею; Сѣвера имѣла нѣкоторое торговое оживленіе, такъ какъ была богата лѣсомъ и медомъ, торговала коноплею, имѣла

каменоломни по рѣкамъ Нерусѣ, Усожѣ и Свапѣ, гдѣ добывался „жерновой камень“ [1]).

Мы закончили обзоръ южной части Московскаго государства XVI вѣка и представили перечень областей, на какія она дѣлилась. Не одинъ разъ мы называли все это пространство „военнымъ округомъ“. Дѣйствительно потребностями народной обороны обусловливались здѣсь всѣ правительственныя дѣйствія и опредѣлялся складъ общественной жизни и хозяйственной дѣятельности. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны: это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ „искрадывалъ“ русскую украйну, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и пустошилъ страну, но не завоевывалъ ее; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ страхѣ своего набѣга, но въ то же время онъ не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли на которыя налеталъ внезапною, но короткою грозою. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организаціи, предназначенной на борьбу съ такимъ врагомъ. Рядъ крѣпостей стоялъ на границѣ; въ нихъ жилъ постоянный гарнизонъ и было приготовлено мѣсто для окрестнаго населенія, на тотъ случай, если ему при нашествіи врага будетъ необходимо и по времени возможно укрыться за стѣны крѣпости. Изъ крѣпостей разсылаются развѣдочные отряды для наблюденія за появленіемъ татаръ, а въ опредѣленное время года въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ собираются большія массы войскъ въ ожиданіи крупнаго набѣга крымскаго „царя“. Всѣ мелочи крѣпостной жизни, всѣ маршруты развѣдочныхъ партій, вся „береговая“ или „польная“ служба, какъ ее называли,—словомъ вся совокупность оборонительныхъ мѣръ опредѣлена наказами и „росписями“. Самымъ

[1]) Ник. Лѣт. VIII, стр. 26.—Книга Больш. Чертежу, изд. *Языкова*, стр. 4, 43, 108.—Акт. Моск. Гос. I, стр. 9 и 24; 12 и 22; 11.—Книга Больш. Чертежу, стр. 83, 113; 87, 108.—*Д. Бѣляевъ*, О сторож., станичн. и полевой службѣ, стр. 60, § 6.— *Д. Багалѣй*, Матеріалы для ист. колонизаціи и пр., II, стр. 10; сравн. I, стр. 136.—Акт. Моск. Гос. I, стр. 11 и 27; сравн. № 38. — Акт. Моск. Гос. I, № 28, 31; также стр. 9, 10, 24, 25.—Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ. *А. Артемьева*. С.-Пб. 1860 г. (Изъ *Ж. М. Вн. Д.*, ч. XL). — *Д. Багалѣй*, Матеріалы I, № 1 и 2; II, № 1.—Спеціальная карта Европ. Россіи (10 верстъ въ дюймѣ), изд. Военно-топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба. — *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, стр. 138, 318.—*Оглоблинъ*, Обозрѣніе ист.-географич. матеріаловъ, стр. 392—393.

мелочнымъ образомъ заботятся о томъ, чтобы быть „устороживѣе“, и предписываютъ крайнюю осмотрительность. А между тѣмъ, не смотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все южнѣе, земледѣльческое и промышленное населеніе; оно не только безъ разрѣшенія, но и безъ вѣдома власти осѣдаетъ на новыхъ землицахъ, въ своихъ „юртахъ“, пашенныхъ заимкахъ и звѣропромышленныхъ угодьяхъ. Стремленіе Московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предпріимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣка или городской валъ, а природныя „крѣпости“: лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки. Недоступный конному степняку-грабителю, лѣсъ для русскаго поселенца былъ и убѣжищемъ и кормильцемъ. Рыболовство въ лѣсныхъ озерахъ и рѣкахъ, охота и бортничество привлекало поселенцевъ именно въ лѣса. Одинъ изъ изслѣдователей заселенія нашего „поля“ (г. Миклашевскій), отмѣчая расположеніе поселковъ на украйнѣ по рѣкамъ и лѣсамъ, справедливо говоритъ, что „русскій человѣкъ, передвигавшійся изъ сѣверныхъ областей государства, не поселялся въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ; не лѣсъ, а степь останавливала его движеніе“. Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою „поля“ происходила и частная. И та и другая, изучивъ свойства врага и средства борьбы съ нимъ, шли смѣло впередъ; и та и другая держались рѣкъ и пользовались лѣсными пространствами для обороны дорогъ и жилищъ; тѣмъ чаще должны были встрѣчаться и вліять другъ на друга оба колонизаторскихъ движенія. И дѣйствительно правительство часто настигало поселенцевъ на ихъ юртахъ; оно налагало свою руку на частнозаимочныя земли, оставляло ихъ въ пользованіи владѣльцевъ уже на помѣстномъ правѣ и привлекало населеніе вновь занятыхъ мѣстъ къ оффиціальному участію въ оборонѣ границы. Оно въ данномъ случаѣ опиралось на ранѣе сложившуюся здѣсь хозяйственную дѣятельность и пользовалось уже существовавшими здѣсь общественными силами. Но въ свою очередь вновь занимаемая правительствомъ позиція становилась базисомъ дальнѣйшаго народнаго движенія въ „поле“: отъ новыхъ крѣпостей шли далѣе новыя заимки. Подобнымъ взаимодѣйствіемъ всего лучше можно объяснить тотъ изумительно быстрый успѣхъ въ движеніи на югъ московскаго правительства, съ которымъ мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ. Остерегаясь общаго врага, обѣ силы, и общество и правительство въ то

же время какъ бы наперерывъ идутъ ему на встрѣчу, и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію.

Однако быстрота, съ какою правительство подвигало на югъ свои боевыя линіи, стала къ концу XVI вѣка такъ велика, что предупредила свободную колонизацію верховьевъ Сейма, Сѣвернаго Донца и Оскола. За Быстрою Сосною на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ еще не было сколько нибудь замѣтнаго населенія внѣ новыхъ, только что возникшихъ крѣпостей; по крайней мѣрѣ Маржеретъ, одаренный хорошею наблюдательностью, отмѣтилъ, что въ сторону „поля“ Россія обитаема только до Ливенъ, а далѣе „жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ“. Чѣмъ южнѣе уходили въ „дикое поле“ московскія войска, тѣмъ менѣе, разумѣется, правительство могло разсчитывать на поддержку вольныхъ колонистовъ, которые за нимъ уже не поспѣвали, и тѣмъ искусственнѣе создавались штаты городскихъ гарнизоновъ и пограничной стражи. Различіе не только въ степени населенности, но и въ самыхъ типахъ населенія очень замѣтно между городами, ставшими на изстари населенныхъ мѣстахъ, и городами, построенными на новозанятыхъ земляхъ. Болѣе сѣверные города изучаемой полосы приближаются по составу своего населенія къ военнымъ городамъ, стоявшимъ на самой Окѣ и на Литовской границѣ. Въ массѣ ихъ жителей преобладаетъ служилый людъ съ своими „дворниками“; но рядомъ есть посадъ и торгъ, есть люди, живущіе отъ промысла и торговли. Городъ окруженъ густою сѣтью помѣстныхъ владѣній, въ которыхъ видимъ обычную картину хозяйства, основаннаго на крестьянскомъ трудѣ и поверженнаго въ кризисъ его неустойчивостью. Помѣстья эти, судя по „окладамъ“, принадлежатъ не мелкопомѣстному люду; въ его средѣ находимъ всѣ „статьи“: и „выборъ“, и „дворовыхъ“, и просто „городовыхъ“ дѣтей боярскихъ. Словомъ, въ ближайшихъ къ центру государства городахъ мы попадаемъ въ обстановку, заставляющую насъ забыть, что мы уже на югѣ отъ Оки, въ украинныхъ мѣстахъ. Не то въ городахъ новыхъ, основанныхъ по стратегическимъ соображеніямъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше не было прочныхъ поселковъ и сколько-нибудь замѣтнаго осѣдлаго населенія. Здѣсь, на „дикомъ полѣ“, господствуетъ, и въ городахъ, и внѣ ихъ, та малоизученная, но очень интересная во многихъ отношеніяхъ среда, которую мы знаемъ подъ именемъ „приборныхъ“ людей: стрѣльцовъ, атамановъ, казаковъ, ѣздоковъ, сторожей, вожей и т. п. Служилые люди по роду своихъ обязанностей, они были земледѣльцами не только на

своихъ отъ правительства имъ данныхъ вблизи города земляхъ, но и на казенной государевой „десятинной“ пашнѣ, которая иногда съ лихвою замѣняла имъ боярскую пашню московскаго центра. Прикрѣпленные къ государевой службѣ и къ своей стрѣлецкой или казачьей слободѣ, эти люди вовсе не были похожи на служилыхъ людей центральной полосы, дѣтей боярскихъ, ни родомъ службы, ни характеромъ землевладѣнія, ни высотою общественнаго положенія. Если дѣти боярскіе и являлись среди нихъ, то въ роли ихъ начальниковъ и руководителей, или же какъ высшій привилегированный слой. Обыкновенные средняго разбора дѣти боярскіе казались крупными и льготными землевладѣльцами по сравненію съ украинными людьми, которыхъ можно лучше всего опредѣлить, какъ вооруженныхъ земледѣльцевъ, обязанныхъ государству не только ратною службою, но и земледѣльческимъ трудомъ. Между столь различными типами украинныхъ городовъ наблюдается и промежуточный типъ со всѣми особенностями переходныхъ формъ. Старинные привычные для московскаго человѣка элементы городскаго и уѣзднаго строя здѣсь на лицо: есть и служилый людъ, и посадскій, и крестьяне. Но рядомъ съ ними есть и новые слои—приборный людъ. При этомъ и старое и новое, вліяя одно на другое, одинаково отступаетъ отъ установившейся традиціи или нормы. Дѣти боярскіе, верстанные изъ казаковъ, выступаютъ въ качествѣ мелкопомѣстной крѣпостной пѣхоты. Служилые казаки, не мѣняя своего названія, получаютъ помѣстья. Между дѣтьми боярскими и „помѣстными“ казаками стоятъ доселѣ загадочные „бѣломѣстные атаманы“, которые служатъ „атаманскую службу“. Города переходнаго типа по составу жителей сложнѣе прочихъ и потому изучаются не съ надлежащею отчетливостію и ясностію.

Далеко не обо всѣхъ южныхъ городахъ есть у насъ за XVI вѣкъ такія свѣдѣнія, которыя позволили бы дать полную и точную характеристику всѣхъ этихъ городовъ. Но тѣмъ не менѣе на основаніи данныхъ, которыми мы располагаемъ, можно представить примѣры всѣхъ трехъ указанныхъ выше типовъ.

Къ типу старыхъ городовъ, подходящихъ къ городамъ центра, прежде всего принадлежатъ Калуга, Тула и Переяславль Рязанскій— главные города изучаемой полосы. Въ каждомъ изъ нихъ, рядомъ съ „городомъ“, то-есть цитаделью, существовалъ посадъ. Въ 1626 году, вскорѣ послѣ смуты и разореній, пережитыхъ Калугою въ 1618 и 1622 годахъ отъ враговъ и пожара, на Калужскомъ посадѣ считали 171 дворъ тяглый, да 102 обнищалыхъ двора; въ 1654 году въ моръ,

по офиціальному счету, въ Калугѣ умерло 1836 человѣкъ, а осталось 930. Такія цифры рисуютъ намъ Калугу съ значительнымъ населеніемъ въ XVII вѣкѣ и съ развитымъ посадомъ (не менѣе 250—300 дворовъ) въ XVI вѣкѣ. Отъ XVII вѣка сохранились указанія и на дѣятельность Калужской таможни, намекающія на существованіе торговаго движенія и товарныхъ складовъ въ Калугѣ. Тула, уже съ начала XVI столѣтія имѣвшая каменный кремль, была очень сильною крѣпостью. Въ ней въ 1588—1589 годахъ насчитывается не менѣе 440 дворовладѣльцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, за которыми было записано до 300 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ; на этихъ дворахъ жило не менѣе 325 дворниковъ. Сверхъ того въ Тульскихъ слободахъ были помѣщены ратные люди низшихъ разрядовъ, числа которыхъ точно опредѣлить нельзя. Въ Тульской книгѣ 1588—1589 годовъ находятся упоминанія приблизительно о 50 стрѣльцахъ, 50 затинщикахъ, 23 пушкаряхъ, 16 воротникахъ; но этимъ не ограничивалось число такихъ служилыхъ людей. Была въ Тулѣ и особая слобода „черкасъ", то-есть выходцевъ изъ Польско-литовской украйны; московскій обычай обращалъ такихъ выходцевъ въ особый „чинъ" служилыхъ же людей. Размѣры Тульскаго посада въ XVI вѣкѣ неизвѣстны; для 1625 года имѣемъ цифры: 153 тяглыхъ двора, 62 бѣдныхъ дворишка и 33 пустыхъ двора. На небольшую торговую силу Тульскаго посада намекаютъ данныя о состояніи Тульскаго рынка: на немъ около 300 лавокъ и до 150 меньшихъ торговыхъ помѣщеній (скамеекъ, шелашей и т. д.); но изъ общаго числа 450 помѣщеній чернымъ посадскимъ людямъ не принадлежитъ и сотни: они владѣютъ только 21% изо всего числа лавокъ и шелашей. Остальная же масса принадлежитъ ратнымъ людямъ изъ слободъ и дворникамъ. Въ рукахъ дворниковъ, а не посадскихъ людей, находилась и ремесленная дѣятельность Тулы: дворники въ числѣ ремесленниковъ въ Тулѣ составляли двѣ трети, даже болѣе. Какъ ни приблизительны эти числовыя данныя, онѣ однако убѣждаютъ въ томъ, что Тульскій посадъ, безотносительно крупный, не былъ хозяиномъ въ торгово-промышленной жизни своего города. Онъ испытывалъ ту же участь, какъ и военные города на средней Окѣ, въ которыхъ военная слобода угнетала и медленно уничтожала посадъ. Таково же было положеніе дѣлъ и въ Переяславлѣ на Рязани. Здѣсь на торгу въ 1595—1597 годахъ было 150 лавокъ, болѣе 100 „полковъ" и около 80 иныхъ торговыхъ помѣщеній, а съ кузницами, харчевнями и т. п. всего до 400 торгово-промышленныхъ заведеній. Изъ нихъ только 65, или

16°/₀, принадлежало черным посадским людямъ. Остальное сосредоточилось въ рукахъ или ратныхъ людей, или же людей зависѣвшихъ отъ служилыхъ и церковныхъ землевладѣльцевъ: дворниковъ и крестьянъ. Обиліе ратныхъ людей наблюдаемъ и въ Переяславлѣ Рязанскомъ: здѣсь есть стрѣльцы, затинщики и пушкари; есть даже казаки. Словомъ, въ большихъ городахъ на Московской украйнѣ мы видимъ то же, что въ Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ: городъ служитъ одновременно цѣлямъ военно-административнымъ и культурно-хозяйственнымъ. Обращая его въ крѣпость, заботясь о ея усиленіи, правительство дѣлаетъ городъ средоточіемъ военнаго люда, который, обживаясь въ городѣ и входя въ условія городской жизни, принимаетъ участіе въ торгово-промышленной дѣятельности кореннаго посадскаго населенія. При этомъ посадская тяглая община или слабѣетъ и никнетъ, не выдерживая конкуренціи, или же играетъ въ городѣ послѣднюю роль въ ряду прочихъ существующихъ рядомъ съ ней организацій. Такова физіономія главнѣйшихъ украинныхъ городовъ. Въ ихъ число можно включить и Зарайскъ съ его каменнымъ кремлемъ и значительнымъ посадомъ. На этомъ посадѣ въ 1595 году было болѣе 200 тяглыхъ и бобыльскихъ дворовъ и нѣсколько дворовыхъ мѣстъ пустыхъ; въ двухъ монастырскихъ слободкахъ насчитывали 87 дворовъ; въ крѣпости и на посадѣ сверхъ того было 169 дворовъ помѣщиковъ Рязанскихъ и „Каширскихъ“, очевидно, помѣщенныхъ здѣсь послѣ разоренія Каширы крымцами. Въ помѣщиковыхъ дворахъ записано было 198 человѣкъ „дворниковъ“; число это интересно потому, что оно почти равнялось числу тяглыхъ людей, которыхъ записали 208 (не считая бобылей; „бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены“). Къ сожалѣнію, нельзя точно опредѣлить, какъ распредѣлены были между городскими жителями 326 торговавшихъ лавокъ и скамей (изъ общаго числа 400 торговыхъ помѣщеній въ Зарайскѣ); но разумѣется, и здѣсь посадскіе тяглые люди не пользовались исключительнымъ правомъ на городской торгъ и промыселъ.

За этими, сравнительно большими городами слѣдуютъ менѣе крупные, сохранившіе у себя остатки старыхъ посадовъ, или же образовавшіе вновь небольшія посадскія общины. Таковы Бѣлевъ, Веневъ, Воротынскъ, Дѣдиловъ, Епифань, Лихвинъ, Мещовскъ, Перемышль и Путивль. О Путивлѣ, къ сожалѣнію, имѣемъ свѣдѣнія не ранѣе 1626—1628 годовъ. Въ это время въ немъ было всего 60 тяглыхъ, да нѣсколько обнищавшихъ посадскихъ дворовъ. Изъ 150

слишкомъ торговыхъ помѣщеній на Путивльскомъ рынкѣ посадскомъ принадлежало всего около 25; въ остальныхъ торговали ратные люди. Посадъ Путивльскій былъ такимъ образомъ малъ и слабъ. Ни населенность Путивля была, несомнѣнно, велика. Подъ стѣнами Путивльской крѣпости, кромѣ значительнаго гарнизона въ служилыхъ слободахъ, жили монастырскіе люди въ своихъ слободкахъ, въ которыхъ число дворовъ считалось сотнями. Какъ старый военный городъ, Путивль, очевидно, испыталъ одну участь съ прочими подобными: господство на рынкѣ и въ промыслахъ перешло въ немъ отъ посадскихъ къ военнымъ и частно-зависимымъ людямъ. Изъ прочихъ названныхъ городовъ только въ Бѣлевѣ былъ, кажется, значительный посадъ, отъ котораго въ 1620 году осталось 24 жилыхъ посадскихъ двора, да 88 пустыхъ мѣстъ дворовыхъ. Новый городъ „Городенскъ на Веневѣ" или Веневъ въ 1572 году имѣлъ 77 дворовъ крестьянъ и иныхъ людей, „которые садилися на льготѣ ново" и должны были образовать посадъ. Столько же было жилыхъ дворовъ черныхъ людей (72) и въ другомъ новомъ городкѣ Епифани. Въ прочихъ число посадскихъ тяглыхъ дворовъ не превышало трехъ-четырехъ десятковъ. Нѣкоторые же старые города къ серединѣ XVII вѣка уже вовсе лишились посадовъ. По воеводскимъ отпискамъ 1651 года, въ Алексинѣ, Козельскѣ и Мценскѣ совсѣмъ не было посадскихъ людей; въ Пронскѣ ихъ не видно уже въ концѣ XVI вѣка. За то выросталъ въ нихъ служилый элементъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были стрѣльцы и прочіе гарнизонные люди, а со времени переустройства сторожевой службы на „полѣ", съ 1571 года, въ эти города усиленно вербовали казаковъ. По Епифанской писцовой книгѣ 1572 года и по Дѣдиловской 1588—1589 годовъ мы можемъ прослѣдить, какъ это дѣлалось, какъ образовывались казачьи слободы около крѣпостей и какъ дворы посадскихъ людей сносились ради этого съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были, въ „черную слободу". Приказная же справка 1577 года показываетъ намъ, что для каждаго города было даже опредѣлено необходимое число казаковъ: для Шацка 150, Ряжска 200, Епифани 700, Дѣдилова 500 и т. д. Такимъ образомъ происходило превращеніе стараго города въ постоянный лагерь пограничной милиціи подъ давленіемъ военныхъ мѣропріятій, направленныхъ на лучшее устройство народной обороны.

Что касается до уѣздовъ изучаемыхъ теперь городовъ, то мы можемъ судить о составѣ землевладѣнія и населенія въ нихъ по изданнымъ писцовымъ книгамъ XVI и отчасти XVII вѣка Бѣлевскимъ,

Медынскимъ, Тульскимъ, Каширскимъ, Веневскимъ, Рязанскимъ. На всемъ пространствѣ отъ верхней Оки и до Прони наблюдаемъ развитіе помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія какъ на земляхъ давно занятыхъ, такъ и на новыхъ „займищахъ". На украинное хозяйство садятся здѣсь не одни мелкіе люди, привязанные службой къ южному городу, но и московская знать. Въ Веневскихъ и Епифанскихъ мѣстахъ колонизаторомъ является князь И. Ѳ. Мстиславскій; въ Зарайскѣ помѣщиками сидѣли князья Волконскіе и Кропоткины; тѣхъ же Волконскихъ видимъ и въ Тульскомъ уѣздѣ; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ была вотчина князей Голицыныхъ, въ Ряжскомъ — вотчина князя Т. С. Трубецкаго. Вообще же вотчинная собственность здѣсь мало замѣтна при широкомъ распространеніи помѣстья. Въ Каширскомъ уѣздѣ, большая часть котораго лежала на правомъ берегу Оки, насчитывается 546 помѣщичьихъ дворовъ, въ Тульскомъ—521; вотчинныя же земли встрѣчаются въ этихъ уѣздахъ въ единичныхъ случаяхъ, и то болѣе за монастырями. Монастыри здѣсь вообще не обладаютъ такими пространствами земли, какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ. Крестьянство, не зависящее отъ помѣщика и вотчинника, замѣтно только въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ около Венева, но эти села и деревни взяты на государя изъ-за князя Мстиславскаго, изъ частной вотчины. Такимъ образомъ, какъ украинный городъ, такъ и украинный уѣздъ были одинаково мѣстомъ развитія служилаго землевладѣнія и дворовладѣнія. Во второй половинѣ XVI столѣтія служилое землевладѣніе на украйнѣ несомнѣнно дѣлаетъ успѣхи: украинныя мѣста наполняются „приходцами" съ сѣвера и количество запашки возрастаетъ. Тульскія писцовыя книги даютъ намъ интереснѣйшія въ этомъ отношеніи показанія: въ Тульскомъ уѣздѣ съ 93 по 97 годъ (то-есть, съ 1585 по 1589 г.) прибыло „изъ пуста въ живущее" 9.775 четей доброю землею. Значеніе этой цифры станетъ вполнѣ ясно тогда, когда мы скажемъ, что въ 1585 году было всего „пашни паханой" 7.969 четей, а въ 1589 г. стало ея 17.745 чети. Въ этотъ счетъ не входитъ „посадская" пашня; монастырской земли кругомъ Тулы было мало; такимъ образомъ весь приростъ мы вправѣ отнести на успѣхи служилаго и по преимуществу помѣстнаго землевладѣнія.

Въ названныхъ уѣздахъ земельныя дачи „приборныхъ" людей, именно „деревни казачьи", едва замѣтны. Напротивъ, въ городахъ на „полѣ" господствующій видъ землевладѣнія, даже почти единственный, представляютъ собою помѣстья приборныхъ людей и ихъ

свободныя заимки, „юрты“, приравненные къ извѣстному помѣстному окладу. Трудами гг. Багалѣя и особенно Миклашевскаго достаточно разъясненъ порядокъ заселенія новыхъ мѣстъ на польской украйнѣ, и намъ остается только собрать ихъ указанія въ краткій очеркъ. Мы уже отмѣчали не разъ, что какъ движеніе правительственныхъ отрядовъ, такъ и свободная заимка земли въ „полѣ“ держались теченія рѣкъ. Новые города возникали обыкновенно при рѣкѣ, и близъ той же рѣки намѣчались и земли для служилыхъ городскихъ людей, такъ что область новаго уѣзда совпадала съ бассейномъ рѣки, на которой сталъ городъ. Московскіе воеводы съ отрядомъ служилыхъ людей являлись на мѣсто, гдѣ указано было ставить городъ, и начинали работы; въ то же время они собирали свѣдѣнія „по рѣчкамъ“ о томъ, были ли здѣсь свободные заимщики земель. Узнавъ о существованіи вольнаго населенія, они приглашали его къ себѣ, „велѣли со всѣхъ рѣкъ атаманомъ и казакомъ лучшимъ быти къ себѣ въ городъ“; государевымъ именемъ „жаловали“ имъ, то-есть, укрѣпляли за ними ихъ юрты; затѣмъ они составляли списокъ этихъ атамановъ и казаковъ и привлекали ихъ къ службѣ государевой по оборонѣ границъ и новаго города. Это и было первое зерно зарождавшагося здѣсь служилаго класса. Вторымъ былъ пришлый гарнизонъ новаго города. Мѣняясь въ извѣстные сроки въ своемъ составѣ, онъ служилъ какъ бы кадромъ, съ помощью котораго устраивались понемногу постоянныя группы городскаго населенія: стрѣльцы, казаки, ѣздоки, вожи, пушкари и т. п. Всѣ эти группы составлялись или путемъ перевода и перехода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ на „вѣчное житье“ въ новый городъ, или же путемъ „прибора“ въ службу свободныхъ, „гулящихъ“ людей. Каждая группа устраивалась при крѣпости въ особыхъ „слободахъ“; слободы окружали первоначальную крѣпость, „городъ“, и сами бывали обнесены валомъ и стѣною, „острогомъ“. За предѣлами острога выростали впослѣдствіи такія же слободы, „новоприборныя“ и иныя. Обезпечивался гарнизонъ новой крѣпости на первыхъ порахъ готовыми запасами, доставленными съ сѣвера, изъ другихъ городовъ, а затѣмъ—собственною пашнею на землѣ, которую ратные люди получали кругомъ своего города. Къ пашнямъ, отводимымъ въ очень небольшихъ количествахъ, присоединялись всякія угодья. Земли обыкновенно давались каждой группѣ служилыхъ людей отдѣльно отъ прочихъ группъ, въ общей межѣ, въ количествѣ равномъ для всѣхъ лицъ данной группы. По обстоятельствамъ пахотная земля этихъ горожанъ иногда бывала отво-

дина не близко отъ города, и тогда ее обработывали „наѣздомъ“, выѣзжая изъ города. Пользованіе угодьями, особенно же лѣсными пасѣками, также выводило служилыхъ людей изъ городскихъ стѣнъ. Городъ былъ устроенъ, словомъ, такъ, что его населеніе неизбѣжно должно было работать въ его уѣздѣ и поэтому колонизовало мѣста иногда очень далекія отъ городской черты. Въ свою очередь насельники края съ своими юртами обращались въ помѣщиковъ, служившихъ съ своей земли и тянувшихъ службою и землею къ тому же городу. Наконецъ, высылаемые сюда изъ сѣверныхъ городовъ на сторожевую службу дѣти боярскіе обзаводились здѣсь помѣстьями и вотчинами и составляли малочисленную сравнительно группу высшихъ по „чину“ и крупнѣйшихъ по количеству земли владѣльцевъ и собственниковъ. Такъ сплеталась въ уѣздѣ сѣть земельныхъ владѣній, или созданныхъ военно-административными мѣропріятіями правительства, или же пересозданныхъ изъ вольной заимки въ условную форму служилой собственности. Попадавшій въ эту сѣть крестьянинъ садился уже на частновладѣльческую землю, чаще же попадалъ въ ратную приборную службу. Крестьянскіе дворы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти отсутствовали; а въ Бѣлгородскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ, въ которыхъ наблюдалось въ началѣ XVII вѣка сравнительно большое число крестьянскихъ дворовъ, на одного помѣщика приходилось среднимъ числомъ не болѣе одного крестьянскаго двора и одного бобыльскаго, и едва ли не большинство помѣщиковъ обработывало землю личнымъ трудомъ. Врядъ ли такое отношеніе было благопріятнѣе для помѣщиковъ въ XVI вѣкѣ, когда на „полѣ“ только что возникали и устраивались города и шла усиленная вербовка въ ихъ гарнизоны ратныхъ людей. На помѣщичью пашню врядъ ли здѣсь охотно садились люди, приходившіе на украину искать землицъ: имъ лучше было сѣсть на свою служилую землю, если не удавалось просто „погулять на полѣ“ или „показаковать“. Крупнаго монастырскаго или боярскаго землевладѣнія на „полѣ“ въ XVI вѣкѣ не видимъ; здѣсь господствуетъ мелкопомѣстное хозяйство, и есть только одна крупная запашка—на „государевой десятинной пашнѣ“, которую пахали по наряду, сверхъ своей собственной, всѣ мелкіе ратные люди изъ городовъ. Эта пашня была заведена для пополненія казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Таковъ составъ южнаго Московскаго уѣзда. Онъ такъ же однороденъ, какъ и составъ сѣвернаго уѣзда; только тамъ населеніе сплошь промышленное, а здѣсь исключительно служилое, военно-земледѣль-

ческое. Южный уѣздъ такъ же, какъ и сѣверный крѣпко связанъ съ своимъ городомъ; но на сѣверѣ эта связь основана на отношеніяхъ экономическаго порядка, а здѣсь на военно-административныхъ. На сѣверѣ преобладающее значеніе имѣютъ представители крупнаго земельнаго и торговаго капитала; на югѣ, на „полѣ",— мелкопомѣстный людъ, сильный военною организаціею. Трудно представить себѣ что-либо болѣе несоотвѣтственное одно другому, болѣе далекое одно отъ другаго по условіямъ общественнымъ и хозяйственнымъ.

Точно опредѣлить границы только что характеризованной полосы довольно трудно. Мы выше замѣтили, что съ 70-хъ годовъ XVI вѣка не только въ „польскихъ", но и въ болѣе сѣверныхъ „украинныхъ" городахъ, на ихъ посадахъ, образуются слободы приборныхъ людей и водворяется мелкопомѣстная форма служилаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, признакъ, по которому всего удобнѣе можно было бы отличить новый военный городъ, — именно, дѣленіе города на спеціальныя военныя слободы и отсутствіе посадской общины,—этотъ признакъ усваивается путемъ правительственныхъ мѣръ, и старымъ городамъ, въ уѣздахъ которыхъ поселены дѣти боярскіе „большихъ статей" и давно налажено традиціонное помѣстное хозяйство. Во всякомъ случаѣ къ городамъ новаго типа относятся Бѣлгородъ, Воронежъ, Осколъ, Валуйка, Елецъ, Ливны, Кромы, Сѣвскъ, также Сапожокъ, Печерники, Гремячей и другіе острожки и городки на „полѣ".

Къ такимъ же городамъ близко стоятъ и нѣсколько другихъ городовъ, изъ числа старыхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ формы служебной организаціи такъ сказать переходныя. Уцѣлѣвшія отъ XVI вѣка Ряжскія и Епифаньскія десятни знакомятъ насъ лучше всего съ этими формами. Въ Епифани, по десятнѣ 1585 года, было поверстано изъ „казаковъ" въ „дѣти боярскіе" 300 человѣкъ на помѣстья въ 40 и 30 четвертей. Эти „дѣти боярскіе" дѣлились въ 1606 году на три сотни и служили съ пищальми подъ начальствомъ головъ, не принадлежащихъ къ Епифаньской служилой средѣ,—порядокъ, напоминающій обычаи приборной службы. А рядомъ съ этими новопожалованными мелкопомѣстными служаками видимъ Епифаньскихъ же дѣтей боярскихъ, получающихъ въ 1604 году новичные оклады въ 200 и 150 четей. Такимъ образомъ въ Епифани какъ бы два разныхъ слоя служилаго люда: старый и новый. Въ Ряжскѣ существуетъ то же самое. Среди Ряжскихъ служилыхъ людей обычныхъ наименованій, окладовъ и службъ видимъ дѣтей боярскихъ „ряшанъ въ служивыхъ

казацѣхъ", читаемъ, что одни изъ нихъ „на полѣ казакують", другіе „у казаковъ въ атаманѣхъ", третьи сошли „на Донъ безвѣстно". Мы готовы думать, что понимаемъ разницу между службою „въ служивыхъ казакахъ" и уходомъ на „поле" и на Донъ въ вольные казаки. Но далѣе мы теряемся въ догадкахъ, что значитъ уйти „въ охочихъ казакѣхъ съ Ив. Кобяковымъ" или „сойти въ вольные казаки съ Вас. Биркинымъ", теряемся потому, что и Кобяковъ и Биркинъ—люди испытанные на государевой службѣ и не могутъ никого свести безвѣстно, тѣмъ болѣе что и сами они и сшедшіе съ ними люди, по десятнямъ, не считаются въ бѣгахъ. Не вполнѣ понятенъ для насъ и тотъ служебный „чинъ", который называется „бѣломѣстными атаманами", служитъ „атаманскую службу", имѣетъ значительные оклады, до 200 четей. Если не согласиться съ указаніемъ одной Воронежской писцовой книги, что атаманы это тѣ, „которые взяты изъ дѣтей боярскихъ въ ѣздоки", то врядъ ли можно объяснить себѣ этотъ терминъ и самую службу [1]).

Чтобы окончить нашу рѣчь о южной окраинѣ Московскаго госу-

---

[1]) *И. Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, М. 1894, стр. 102, 107-108, 116—117, 208 и вообще три первыя главы (стр. 21—64, 64—101, 101—140). — *Д. Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. государства, М. 1887, стр. 108—135. — *Его же*, Разборъ труда И. Н. Миклашевскаго въ „Отчетѣ о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова" (С.-Пб. 1897), стр. 190—194, 208—221 и др.—Маржеретъ въ Сказ. современниковъ о Дим. Самозванцѣ, I, стр. 251.—Городскія поселенія Россійск. Имперіи, т. II, стр. 344.—Извѣстія Калужск. Архив. Коммиссіи 1894, № 3, стр. 35—36.—Доп. А. И. III, стр. 513, 519 и № 27.—Тула. Матеріалы для исторіи города. М 1884, стр. 1—2, 14—15. — *Н. Чечулинъ*. Города Моск. государства, стр. 258—260, 265, 280 (ср. 304), 288, 305. — Рязань, Матеріалы для исторіи города, М. 1884, стр. 1—5.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 289, 265.—Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1883, стр. 1—2.—*Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 263—266.—*И. Миклашевскій*, о. с., стр. 95—96.—Бѣлевъ. Матеріалы для исторіи города, М. 1885, стр. 3.—Писц. книги, изд. *Калачова*, II, стр. 1511, 1588—1595.— *Н. Чечулинъ*, о. с., стр. 260 263. — Доп. А. И., VIII, стр. 127, 135, 136; IX, стр. 247.—Статья *И. И. Дитятина* въ „Русск. Мысли" 1883 г., XII, стр. 95 и *В. Латкина*, Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. С.-Пб. 1884, стр. 93, 106, 113.—Писц. книги *Калачова*, II, стр. 1261 и слѣд., 1588 и слѣд. — Акт. Моск. госуд., I, № 23, стр. 36. — *С. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе, стр. 214—215.—Писц. книги *Калачова*, II, 1260 и Указатель, стр. XXXII—XXXV.— *Пискаревъ*, Древніе грамоты и акты Рязанскаго края. С.-Пб. 1854, № 23.—Временникъ М. О. И. и Др. XIII, Приправочная Рязанская книга 124 года, стр. 1 и слѣд.—*В. Сторожевъ*, Десятни. М. 1891, стр. 248, 307, 312, 316, 317, 346, 355, 357, 358 (ср. у *И. Н. Миклашевскаго* стр. 78).

дарства, намъ остается сказать только объ одной отмѣченной современниками особенности этого края. Авр. Палицынъ говоритъ, что въ XVI вѣкѣ для того, чтобы „наполнить воинственнымъ чиномъ“ окраины земли, правительство держалось обычая, „егда кто отъ злодѣйствующихъ осужденъ будетъ къ смерти и аще убѣжитъ въ тѣ городы Польскіе и Сѣверскіе, то тамо избудитъ смерти своея“. Это сообщеніе похоже на правду. Хотя въ московскомъ законѣ мы и не находимъ выраженнаго такъ постановленія, но встрѣчаемъ за то указаніе, что правительству была не чужда мысль обратить украйну въ мѣсто ссылки для неблагонадежныхъ людей: въ 1582 году было указано ябедниковъ и клеветниковъ, уличенныхъ на судѣ, „казнити торговою казнію да написати въ казаки въ украйные городы Сѣвскъ и Курскъ“. Если правительство находило, что на украйнѣ можно терпѣть тѣхъ, кто неудобенъ въ центрѣ, то и сами тѣ, кому становилось неудобно жить въ государствѣ, уходили на украйну, гдѣ былъ еще слабъ правительственный надзоръ и общественный порядокъ. Здѣсь была возможность или устроить свою жизнь по-новому, избѣгнувъ неудобныхъ сторонъ установившагося въ старомъ обществѣ режима, или же, если для этого не хватало силъ и умѣнья, можно было идти на государеву „приборную“ службу и успокоиться на мелкомъ служиломъ помѣстьѣ и въ гарнизонѣ пограничнаго городка. Палицынъ говоритъ, что этимъ выходомъ пользовались холопи, страдавшіе въ тискахъ частной зависимости или прогнанные своими господами. Можно думать, что пользовались этимъ выходомъ и крестьяне, недовольные тѣми условіями, въ какія становился въ исходѣ XVI вѣка крестьянскій трудъ. Всегда и вездѣ украйна даетъ пріютъ обездоленному и недовольному люду; и въ Московскомъ государствѣ на украйнѣ ютились тѣ, для кого московскіе порядки XVI вѣка оказались бѣдственными и невыносимыми [1]).

С. Платоновъ.

---

[1]) *А. Палицынъ*, въ изд. 1822 г., стр. 14, и Русск. Ист. Библ., XIII. стр. 482.—А. И. I, № 154, стр. 271.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ 1898 г.

Типографія „В. С. Балашевъ“ и К°. Фонтанка, 95.

